

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(10), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Михальченко В. Ю. Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования : мотивации родителей и языковая политика / В. Ю. Михальченко, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 10. — С. 167—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187.

Mikhalchenko, V. Yu., Kirilenko, S. V. (2025). Sociolinguistic Analysis of Individual Language Ideologies in Education: Parental Motivations and Language Policy. *Nauchnyi dialog*, 14 (10): 167-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования: мотивации родителей и языковая политика

Михальченко Вида Юозовна

orcid.org/0000-0002-0953-3466

доктор филологических наук,
профессор,

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям,

корреспондирующий автор

mikhalchenko@iling-ran.ru

Кириленко Светлана Владимировна

orcid.org/0000-0001-7902-6032

кандидат филологических наук, доцент

Научно-исследовательский центр
по национально-языковым отношениям

svetlanavk@inbox.ru

Институт языкознания

Российской академии наук

(Москва, Россия)

Sociolinguistic Analysis of Individual Language Ideologies in Education: Parental Motivations and Language Policy

Vida Yu. Mikhalchenko

orcid.org/0000-0002-0953-3466

Doctor of Philology, Professor,
Scientific Research Center

for National Language Relations,
corresponding author

mikhalchenko@iling-ran.ru

Svetlana V. Kirilenko

orcid.org/0000-0001-7902-6032

PhD in Philology, Associate Professor,
Scientific Research Center

for National Language Relations
svetlanavk@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено социолингвистическое исследование родительских языковых установок как индикатора локальных языковых идеологий среди носителей коренных языков Российской Федерации. Цель работы — выявить и классифицировать языковые идеологии, характерные для родителей школьников в республиках России, на основе их отношения к выбору языка обучения, роли семьи и государства в передаче языка и восприятию языковой политики. Отмечается, что в условиях многоязычия Российской Федерации в языковой политике наблюдается противоречие между важностью сохранения этноязыкового разнообразия и необходимостью гражданской интеграции, что особенно остро проявляется в образовательной сфере. Эмпирическая база включает анкетные данные, собранные в пяти республиках РФ (Чеченская Республика, Республика Саха (Якутия), Республика Тыва, Республика Калмыкия, Республика Карелия) в 2022—2023 годах. Данные проанализированы методом качественного контент-анализа. Результаты показали преобладание установок на русский язык как инструмент социальной мобильности при одновременном признании символической ценности родного языка. В ряде регионов выявлены модели институционального билингвизма, в других — наблюдается тренд на латентную ассимиляцию. Наиболее устойчивым примером гармоничного билингвизма оказалась Республика Саха (Якутия).

Ключевые слова:

языковые идеологии; многоязычие; русский язык; этноязыковое многообразие; языки России.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A sociolinguistic study was conducted to investigate parental language attitudes as an indicator of local language ideologies among speakers of indigenous languages in the Russian Federation. The aim of this research is to identify and classify linguistic ideologies characteristic of parents with school-age children across several regions of Russia based on their views regarding the choice of instructional language, family's role in language transmission, and perceptions of state language policies. It highlights that within the multilingual context of the Russian Federation, there exists a tension between preserving ethno-linguistic diversity and ensuring civic integration, which is particularly evident in educational settings. Empirical data were collected through surveys administered in five republics of Russia (Chechen Republic, Sakha Republic (Yakutia), Tyva Republic, Kalmykia Republic, Karelia Republic) during 2022–2023. Data analysis employed qualitative content analysis methods. Findings revealed predominant preferences for Russian as a tool for social mobility while simultaneously acknowledging the symbolic value of native tongues. Institutional bilingual models are identified in some areas, whereas other regions exhibit trends toward latent assimilation. A notable example of harmonious bilingualism is observed in the Sakha Republic (Yakutia).

Key words:

language ideologies; multilingualism; Russian language; ethnolinguistic diversity; languages of Russia

УДК 81'26:37+81'272(47)“20”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-10-167-187

Научная специальность ВАК

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Социолингвистический анализ индивидуальных языковых идеологий в сфере образования: мотивации родителей и языковая политика

© Михальченко В. Ю., Кириленко С. В., 2025

1. Введение = Introduction

Языковая идеология играет центральную роль в определении направлений языковой политики в многонациональном государстве, формируя представления о функциях и значимости языков в обществе, а также задавая рамки для образовательного языкового планирования на микроуровне — среди родителей. В системе образования языковая идеология проявляется в родительских мотивациях относительно выбора языка обучения, поддержке методов преподавания родного языка (как предмета или на языке), отражая существующие прагматические и ценностные ориентиры. В дальнейшем под **языковыми идеологиями** понимаются именно индивидуальные установки родителей.

Научная проблема настоящего исследования связана с недостаточной изученностью механизмов формирования языковых идеологий на уровне семейных и образовательных стратегий в многоязычной среде Российской Федерации. Несмотря на активную разработку темы языковой политики в научной литературе, в том числе институциональных аспектов и законодательных инициатив, на сегодняшний день сохраняется пробел в эмпирическом изучении языковых установок родителей как носителей индивидуальных идеологий. Между тем именно семейные установки, трансформируемые через образовательную сферу, играют ключевую роль в процессе межпоколенческой языковой передачи.

После реформы 2018 года, юридически закрепившей принцип добровольности в изучении родных языков, актуализировались идеологические противоречия между задачей общественной интеграции и необходимостью сохранения этноязыкового разнообразия. Особенно ярко эти противоречия проявляются в республиках РФ, где родной язык выступает не только средством коммуникации, но и носителем коллективной идентичности.

Вследствие этого в образовательной сфере проявляются идеологические позиции, и роль родителей как субъектов языкового выбора приобретает особую значимость.

Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного анализа социолингвистических параметров, определяющих выбор образовательных языковых стратегий в этнически разнообразных регионах России. На фоне усиливающейся языковой ассимиляции и сокращения сфер функционирования родных языков наблюдается парадоксальная ситуация: при наличии формально гарантированных прав сохранять и изучать родной язык фактическая реализация этих прав во многом зависит от неформальных установок и стратегий родителей. Изучение таких установок позволяет выявить реальное состояние языковой среды и понять механизмы, с помощью которых идеологии трансформируются в практики.

Новизна работы заключается в эмпирическом подходе к изучению языковой идеологии через призму родительских оценок и ожиданий. В отличие от традиционного анализа языковой политики данное исследование предлагает концептуальную рамку, в которой языковые установки родителей рассматриваются как индикаторы идеологических моделей, действующих в конкретных социокультурных контекстах с основным фокусом на типологизацию выявленных языковых установок. Исследование охватывает пять республик России с различными этнолингвистическими параметрами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. Обзор литературы: теоретические основания и научный контекст исследования

Понятие *языковой идеологии* занимает в настоящее время одно из центральных мест в современной социальной лингвистике, в рамках которой утверждается тезис о том, что набор представлений определяет выбор языковых средств: «In its broadest sense, the term refers to a set of shared attitudes and beliefs about language, underpinned by certain social or cultural values [A Dictionary of Sociolinguistics, 2012, p. 171] (В наиболее широком смысле этот термин обозначает совокупность существующих установок и убеждений о языке, основанных на определенных социальных или культурных ценностях). Социолингвистический подход к изучению языковых идеологий зародился в 1970-е годы в исследованиях М. Сильверстейна, подчеркивавшего, что идеологии метапрагматически формируют языковой функционал говорящих: «Ideology engages metapragmatically with functional structure through the constitution of a referentially-based (or referentially-centered) functional-1 system, the constitution of which is a function-changing (hence structure-changing) process» [Silverstein, 1979, p. 231] (Идеология

метапрагматически взаимодействует с функциональной структурой через формирование референтно-основанной (или референтно-центрированной) функциональной системы первого порядка, конституирование которой представляет собой процесс, изменяющий функции и, следовательно, трансформирующий структуру.). Таким образом, идеологии формируют рамки языкового поведения говорящих в различных сферах общения — как в формальных, так и в семейно-бытовых. Дальнейшее развитие данный термин получил в работе К. Ирвайн и Дж. Гэл [Irvine et al., 2000]: языковая идеология рассматривается как механизм социокультурного отбора, язык выступает средством построения социальной иерархии, вытесняя те практики, которые не соответствуют доминирующей идеологии.

В отечественной научной традиции в работе В. Ю. Михальченко к понятию языковой идеологии была предложена типологизация: системная классификация идеологических моделей — от прагматизма и этноязыкового пуризма до идеологии языкового униформизма и многоязычия [Михальченко, 2025, с. 16—17]. Данные модели позволяют анализировать как официальную языковую политику, так и индивидуальные языковые предпочтения через призму социально детерминированных установок: «Различные языковые идеологии, формирующие национально-языковую политику, отражают взгляды на роль языка в обществе» [Михальченко, 2025, с. 17].

Особое значение языковая идеология приобретает в контексте недавних решений образовательной политики Российской Федерации в реализации принципов языкового планирования, закрепленных на уровне законодательства, см.: Федеральный закон № 317-ФЗ от 2018 года. Несмотря на документально закрепленный принцип добровольности в выборе языка обучения, фактическое применение этой нормы варьируется в зависимости от уровня институциональной поддержки родных языков, административных ресурсов регионов и общих идеологических установок: «“Свободный” выбор языка образования и родного языка в современных условиях обнаруживает свою фактическую несвободу» [Хилханова, 2022, с. 101]. Формально равные юридические условия далеко не всегда обеспечивают равную реализацию языковых прав на практике, и это вызывает у лингвистов опасения в отношении жизнеспособности малых языков: «В регионах, где сложилась особенно критическая ситуация с сохранением языков, добровольные начала их изучения — это ключ к полному исчезновению, вымиранию национального языка» [Петербургский, 2019, с. 90]. Лингвисты отмечают и расширяющуюся языковую ассимиляцию, где «главной тенденцией в ситуации с родным языком среди автохтонных народов России является уменьшение числа тех, кто называет родным этнический язык, и увеличение числа не владеющих им» [Боргояков, 2017, с. 27].

На микроуровне ключевую роль в формировании языковых идеологий и установок играют процессы, происходящие в сфере семейно-бытового общения. Исследования в области семейной социолингвистики показывают, что семья выступает как носитель идеологических ориентаций, транслируемых детям в скрытой и открытой формах: «Language socialization has a goal the linking of microanalytic analyses of children's discourse to more general ethnographic accounts of cultural beliefs and practices of families, social group or communities in which children are socialized» [Schieffelin et al., 1986, p. 168] (Социализация через язык направлена на то, чтобы связать микроаналитический анализ детской речи с более широкими этнографическими описаниями культурных представлений и практик семей, социальных групп или сообществ, в которых происходит социализация детей.). При этом решения родителей относительно межпоколенной передачи языка зависят как от их личной мотивации, так и от внешних факторов: наличия образовательных учреждений с преподаванием на родном языке, степени престижности языка. Несомненно то, что статус родного языка и его представленность в школе влияют на то, будет ли язык передаваться в семье.

2.2. Материал и методы исследования

Настоящее исследование опирается на выборку, включающую 120 информантов, представителей пяти народов Российской Федерации: чеченского (35 респондентов), тувинского (27 респондентов), карельского (22 респондента), калмыцкого (19 респондентов) и якутского (17 респондентов). Несмотря на количественные ограничения, выборка характеризуется социолингвистической и региональной репрезентативностью. Исследуемые данные были собраны в рамках более широкого анкетного опроса, проведенного Институтом языкознания Российской академии наук (РАН) в 2021—2023 годах. Однако в настоящем исследовании акцент сделан преимущественно на респондентах, имеющих детей дошкольного или школьного возраста, поскольку именно их оценочные установки представляют значимость для понимания проявлений языковых идеологий в сфере образования. Отбор респондентов из общего массива данных и анализ их ответов производился с помощью программы SPSS.

В фокусе анализа находятся ценностно-идеологические ориентации, формирующиеся вокруг вопросов выбора языка обучения, механизмов межпоколенческой передачи родного языка, а также восприятия официальной языковой политики в школьной среде. Характер исследования преимущественно качественный; его цель заключается в выявлении структурных компонентов языковой идеологии в семейно-образовательном контексте. Полученные результаты интерпретируются в сопоставлении с официальной статистикой по численности учащихся, изучающих родной язык,

за 2018 и 2023 годы, что позволяет соотнести идеологические установки информантов с объективными тенденциями государственной языковой политики и практики.

Для анализа языковых идеологий были использованы ответы респондентов на следующие вопросы анкеты, отобранные с учетом их релевантности к ключевым темам настоящего исследования: языковая политика в образовании, семейная языковая социализация, межпоколенческая передача языка и личные установки говорящих в отношении родного и русского языков [Анкетирование].

1. *«На каком языке / языках Вы хотели бы, чтобы Ваши дети (будущие дети) учились?»* (выявление прагматических и идеологических предпочтений в отношении языка обучения, а также восприятия функций родного и русского языков).

2. *«Согласно ФЗ “Об образовании в РФ” и N 317-ФЗ, выбор языка обучения является добровольным. Согласны ли Вы с такой формулировкой применительно к школе?»* (оценка отношения к идеологии государственного языка, а также — к свободе выбора и статусу родных языков в школьной системе).

3. *«Вы хотели бы, чтобы Ваши дети говорили на ... языке?»*; модифицирован в зависимости от языка респондента; (изучение установки на передачу языка, что важно для анализа пуризма, полиязычия или униформизма).

4. *«Существует мнение, что прежде всего семья, а не школа должна обеспечить владение родным языком. Может ли язык сохраниться с помощью только семейного воспитания и усилий родителей?»* (анализ того, как респонденты распределяют институциональную ответственность за сохранение языка; проявляются идеологические модели языка либо как культурной ценности, или как практического инструмента).

5. *«Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей республике?»* (выявление того, какие модели школьного преподавания языка считаются желательными: обязательное изучение, факультативность, выбор, обучение на родном языке и др.).

6. *«Одобрите ли Вы введение с 2017/2018 гг. нового учебного предмета «Родной язык», предполагающего обязательный выбор одного из родных языков?»* (отношение к государственной языковой политике, степень поддержки / опасений по поводу внедрения родного языка в обязательную часть школьной программы).

Анализ ответов на эти вопросы позволил классифицировать языковые установки респондентов по шести идеологическим установкам, определяющим отношение к родному и русскому языкам в образовательной и семейной сферах общения [Михальченко, 2025, с. 16—17]:

- 1) идеология государственного языка: русский язык рассматривается как обязательный элемент школьного образования (вопросы 1, 2, 6);
- 2) многоязычие: поддержка многоязычия, признание ценности сохранения родных языков в семье и школе (вопросы 3, 4, 5, 6);
- 3) прагматизм: язык воспринимается прежде всего как инструмент для образования и карьерной мобильности (вопросы 1, 4, 5);
- 4) языковой униформизм: предпочтение использования одного языка (русского) во всех сферах, отказ от образовательной роли родных языков (вопросы 1, 2, 5);
- 5) этноязыковой пуризм: стремление к сохранению «чистоты» родного языка, предпочтение его передачи в семье или через «аутентичное» обучение (вопросы 3, 4, 5);
- 6) русский как культурный код: акцент на русском как языке культуры, науки и гражданской идентичности (вопросы 1, 2, 6).

Выбор материала исследования был сделан на основании принципа контрастного отбора: рассматриваемые языки существенно различаются по уровню институциональной поддержки, численности носителей и степени интеграции в систему образования. Рассматриваемые языки принадлежат и к различным этнокультурным и историко-географическим ареалам, что позволяет выявить как универсальные, так и специфические параметры языковых идеологий в семейно-образовательном контексте.

Чеченский язык обладает значительной функциональной мощностью: «Чеченский язык в настоящее время показывает относительно стабильный уровень витальности в семейном и культурном контексте, в который вносит вклад высокая символическая ценность языка и устойчивая потребность в выражении идентичности среди говорящих на чеченском языке» [Биткеева и др., 2024, с. 32], что позволяет предположить превалирование идеологических установок этнолингвистического пуризма. Тувинский язык также обладает функциональной устойчивостью и прочной межпоколенной передачей: «Тувинский язык — один из немногих титульных языков РФ, который сегодня обладает достаточной функциональной и демографической мощностью» [Цыбенкова, 2019, с. 471], — вероятно здесь будут преобладать идеологические установки этнолингвистического пуризма и прагматического отношения к использованию языка.

Якутский и, в особенности, карельский языки, напротив, скорее находятся в зоне риска, характеризуясь сокращающимся числом носителей и отсутствием устойчивой образовательной интеграции — это значимо для исследования идеологий символического языкового присутствия, концептов полиязычия и латентного языкового униформизма, проявляющегося в вытеснении этнического языка доминирующим русским.

В случае с якутским языком ситуация внешне выглядит более благополучной благодаря высокой численности носителей и наличию институциональной поддержки, однако при детальном рассмотрении выявляется внутренняя уязвимость. Особенно заметно это в молодежной среде, где наблюдается снижение уровня языковой компетенции. Как отмечает Н. И. Иванова, «современные социально-экономические, социально-политические, социокультурные условия предопределяют снижение языковой компетенции молодых саха, их дистанцированность от родного языка, что фиксируется в социолингвистических процедурах и психолингвистических экспериментах» [Иванова, 2022, с. 254]. Другая работа в той же области также подчеркивает, что «зафиксирована кризисная ситуация с сохранностью якутского языка у детей и молодежи» [Иванова и др., 2021, с. 80]. Таким образом, даже при наличии формальных механизмов поддержки язык теряет реальные позиции в коммуникативной практике, что позволяет предположить преобладание прагматизма и тенденций к многоязычию.

В Карелии языковая среда крайне фрагментирована, а межпоколенческая передача карельского языка практически прервана [Нагурная, 2021; Moshnikov, 2022]. Вероятно, карельский язык может выступить как пример для исследования идеологии символического языкового присутствия — когда язык существует скорее как культурный маркер, чем как средство повседневной коммуникации.

Калмыцкий язык занимает промежуточную позицию: при наличии признаков языкового сдвига и ослабленной межпоколенческой передачи одновременно присутствуют институциональные и гражданские инициативы по языковому возрождению [Биткеева, 2002; Баранова, 2009]. Это позволяет изучить прагматический подход к родному языку, а также восприятие русского языка как государственного инструмента и как носителя культурного кода.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Результаты = Results

Настоящее исследование ориентировано на комплексное осмысление языковых установок представителей различных этнических сообществ в контексте образовательной сферы с акцентом на соотношение между стремлением к сохранению родного языка и необходимостью интеграции в общероссийское языковое пространство.

Анализ мнений по выбору языка обучения выявил баланс между прагматическими установками и этнокультурной самоидентификацией (рис. 1). Можно сделать вывод о двух ключевых тенденциях:

Рис. 1. Ответы респондентов на первый вопрос анкеты: желаемый язык обучения

— русский язык признается всеми группами как необходимый элемент образования, особенно в сочетании с родным (у якутов, тувинцев и карелов);

— высокий уровень этнолингвистической лояльности наблюдается у калмыков, якутов и чеченцев: значительная доля респондентов хочет, чтобы дети учились только на родном языке.

Рис. 2. Ответы респондентов на второй вопрос анкеты: отношение к идеологии государственного языка

В целом, большинство респондентов поддерживают идею добровольного выбора языка обучения (рис. 2); интенсивность поддержки варьируется по регионам. Идеологические и ценностные интерпретации включают в себя как высокий уровень поддержки — среди якутских и калмыцких респондентов, где прослеживается консенсус вокруг формулировки «добровольности»; так и выраженные сомнения среди чеченских, карельских и тувинских респондентов.

Рис. 3. Ответы респондентов на третий вопрос анкеты: установка на передачу языка

Анализ установок респондентов относительно желаемого языкового репертуара их детей показывает, что билингвизм (владение как русским, так и этническим языком) является доминирующей ориентацией в большинстве исследованных регионов (рис. 3). Наибольшая выраженность языкового пуризма наблюдается среди калмыцких и чеченских респондентов, тогда как установка на униформизм незначительна во всех группах.

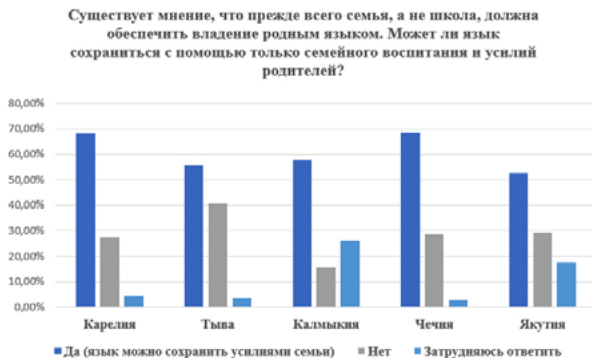

Рис. 4. Ответы респондентов на четвертый вопрос анкеты: институциональная ответственность за сохранение языка

Несмотря на доминирующее мнение о важности семейного воспитания в сохранении родного языка, значительная часть респондентов, особенно в Тыве и Якутии, высказываются в поддержку необходимости школьного изучения языка, что свидетельствует о том, что для устойчивого сохранения языка одной семейной передачи недостаточно — требуется системная поддержка со стороны образовательных учреждений, которые обеспечивают регулярное и формализованное обучение (рис. 4).

Пятый вопрос анкеты — об изучении родных языков в разных республиках: «Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей Республике?» (табл. 1, 2) — формулировался по-разному, при этом содержательная направленность вопроса сохраняется: она заключается в выяснении отношения к обязательности, добровольности и месту национального языка в школьной программе.

В Карелии, Чечне и Якутии респондентам предлагался единый выбор одного из вариантов модели изучения языка. В то же время в Тыве и Калмыкии аналогичные вопросы были разделены на несколько формулировок, включая прямой вопрос об обязательности, а также суждения, касающиеся добровольности изучения и / или исключения языка из школьного обучения. Тем не менее эти данные сопоставимы по смыслу, поскольку позволяют оценить ключевые позиции:

- поддерживается ли обязательное изучение языка;
- допускается ли добровольность вне зависимости от национальности;
- есть ли стремление исключить родной язык из школьной программы.

Это позволяет провести сравнительный анализ отношения к изучению национальных языков в разных республиках.

Таблица 1

«Какой вариант изучения ... (титульного) языка приемлем в Республике?» (единый формат вопроса): данные по регионам: Чечня, Якутия, Карелия)

Регион	Обязательность для всех, %	Обязательность для титульной нации, %	Добровольность для всех, %
Карелия	13,6	9,1	68,2
Чечня	45,7	37,1	2,9
Якутия	58,8	23,5	17,6

Таблица 2

«Какой вариант изучения [родного языка] приемлем в вашей Республике?»: данные по регионам: Тыва и Калмыкия (совокупная оценка из 3 вопросов*)

Регион	Поддержка обязательности, %	Согласие с добровольностью, %	Согласие с «только русский и иностр.», %
Тыва	85,2	55,5	44,4
Калмыкия	73,7	47,3	47,4

* Ответы суммировались по следующим 3 вопросам:

1. Должны ли калмыки / тувинцы в обязательном порядке изучать свой родной язык в школе?
2. Разделяете ли Вы следующее мнение? Изучение калмыцкого / тувинского языка должно быть по желанию.
3. Разделяете ли Вы следующее мнение? В Республике Калмыкия / Тыва в школе нужно изучать русский и иностранный языки, другие языки не для школьной программы.

Полученные данные демонстрируют, что наиболее высокая поддержка обязательного изучения родного языка наблюдается в республиках с сильной этнокультурной идентичностью: в Тыве (85,2 %), Якутии (82,3 %) и Чечне (82,8 %) (табл. 1, 2). В этих регионах обязательность может касаться как всех учащихся, так и преимущественно представителей титульной национальности.

В Калмыкии также зафиксирована высокая поддержка обязательного изучения (73,7 %), однако одновременно значительная часть опрошенных допускает добровольность или даже исключение языка из обязательной школьной программы, что свидетельствует о наличии скрытой амбивалентности в общественном мнении.

В противоположность этому, в Республике Карелия доминирует установка на добровольное изучение карельского языка (68,2 %) при крайне низком уровне поддержки его обязательного изучения. Это, вероятно, связано с меньшей численностью носителей языка в республике, слабой языковой средой и ассимиляционными тенденциями.

Рис. 5. Ответы респондентов на шестой вопрос анкеты: отношение к государственной языковой политике

Во всех исследуемых регионах зафиксировано в целом положительное отношение к включению учебной дисциплины «Родной язык» в школьную программу (рис. 5). Наиболее высокий уровень поддержки наблюдается в Чеченской Республике и Республике Саха (Якутия), что может свидетельствовать о высокой степени интеграции родного языка в систему культурной идентификации и общественно-образовательных приоритетов. Несколько менее выраженная, но все же значительная поддержка данной инициативы наблюдается в Республиках Тыва и Калмыкия, что

позволяет говорить о сохранении устойчивого идеологического запроса на институционализацию родного языка как средства межпоколенческой трансмиссии и культурного воспроизводства. В Республике Карелия также наблюдается в целом положительное восприятие, однако на фоне прочих регионов фиксируется более заметная доля нейтральных и отрицательных оценок.

3.2. Обсуждение = Discussion

3.2.1. Количественная динамика преподавания родных языков: институциональный контекст

Для сопоставления анкетных показателей с реальными образовательными практиками были проанализированы официальные данные Министерства образования (в настоящее время — Министерства просвещения) Российской Федерации за 2018 и 2023 годы в сопоставительном аспекте (табл. 3). В таблице представлены сведения о числе учащихся, для которых родной язык используется как язык обучения, а также о тех, кто изучает родной язык как самостоятельный предмет.

Таблица 3

Преподавание родных языков в образовательной системе
(2018 и 2023 годы) [МПРФ]

Язык	2018: на языке	2018: как предмет	2023: на языке	2023: как предмет
Калмыцкий	3 146	18 684	0	22 858
Карельский	0	1 748	0	469
Тувинский	17 748	22 447	2 837	45 035
Чеченский	1 398	235 601	155	319 508
Якутский	35 854	26 203	48 328	38 339

Наиболее заметной тенденцией является повсеместное сокращение числа учащихся, получающих образование на родном языке, особенно в отношении тувинского и калмыцкого языков (табл. 3). Исключением из этой общей тенденции выступает Республика Саха (Якутия), где, напротив, зафиксирован рост: с 35 854 до 48 328 учащихся, получающих образование на якутском языке. Что касается преподавания родного языка как предмета, здесь в целом наблюдается рост численности учащихся, с наиболее выраженными показателями роста в Чечне, Тыве и Якутии. Единственным регионом, демонстрирующим сокращение показателей в сфере преподавания, стала Республика Карелия: количество изучающих карельский язык как предмет сократилось примерно в три раза.

3.2.2. Идеологические установки респондентов

Исследование подтверждает многообразие языковых идеологий в современных российских республиках, где национально-русские билингвальные установки сочетаются с этнокультурной лояльностью (табл. 4). При этом были выявлены следующие тенденции:

- стремление к балансу между практичностью и идентичностью;
- неравномерность институциональной поддержки родных языков;
- специфические региональные модели идеологий.

Таблица 4

Языковые идеологии в республиках РФ

Регион	Доминирующие идеологии
Якутия	Многоязычие, прагматизм, русский как культурный код
Тыва	Многоязычие, прагматизм, частичный униформизм
Калмыкия	Этноязыковой пуризм, многоязычие, частичный униформизм
Чечня	Этноязыковой пуризм, многоязычие, государственный язык
Карелия	Прагматизм, русский как культурный код, частичный униформизм

1. Идеология государственного языка (вопросы 1, 2, 6)

Во всех республиках респондентами поддерживается прагматическое принятие роли русского как государственного языка (рис. 1). Поддержка добровольного выбора языка обучения (рис. 2) высока в Якутии (82,4 %) и Калмыкии (73,7 %). Это говорит о поддержке респондентами идеологического концепта «русский как базовый» и признании возможности индивидуального выбора при сохранении доминирующей позиции русского языка. Поддержка обязательного выбора одного из родных языков (рис. 5) при этом не исключает привилегированного положения русского. Здесь прослеживается иерархичное понимание языковой политики: русский — «основа», родной — культурное дополнение. Таким образом, можно утверждать, что идеология государственного языка прочно встроена в образовательные представления родителей.

2. Многоязычие (вопросы 3, 4, 5, 6)

Установки на многоязычие доминируют в Тыве (70,4 %), Якутии (52,9 %) и Карелии (45,5 %) (рис. 3) — значительное число респондентов поддерживают обучение на двух языках. Признание важнейшей роли семьи в сохранении языка (рис. 4) сочетается с осознанием необходимости участия школы (особенно в Тыве и Якутии), что соответствует многоязычной идеологии. Поддержка изучения родного языка (табл. 1, рис. 5) высока во всех регионах, что дополнительно подтверждает ориентацию на функциональное и символическое сосуществование языков. Таким об-

разом, согласно полученным данным, идеология многоязычия преобладает в Якутии, Тыве и частично в Карелии: здесь родной язык воспринимается как ценность, но не как единственный носитель идентичности.

3. Прагматизм (вопросы 1, 4, 5)

Наблюдается баланс между желанием сохранить родной язык и признанием преимуществ социального продвижения с помощью русского языка — особенно у карелов и тувинцев. Низкая поддержка обязательного изучения родного языка у карелов (табл. 1: только 13,6 % поддерживают обязательность для всех) и высокая поддержка добровольности (68,2 %) усиливают прагматическую ориентацию: родной язык важен, но не приоритетен. Также респонденты признают, что семья не справится без школы в сохранении языка (рис. 4), это подчеркивает прагматическую ориентацию на системность и эффективность школьной передачи языка.

4. Языковой униформизм (вопросы 1, 2, 5)

Поддержка изучения исключительно русского языка, без родного, минимальна по всем вопросам (рис. 1, 3): доля респондентов, желающих обучения только на русском, ниже 30 %. Вопросы об исключении родного языка из программы (табл. 1, 2) выявляют амбивалентность в Калмыкии и Тыве: около 44—47 % готовы рассматривать отказ от национального языка в школе. Это локальные всплески униформизма, в связи с их незначительностью скорее связаны с фрагментацией языковой среды и социальной инерцией, чем с идеологической убежденностью. Идеология униформизма не является доминирующей ни в одном из регионов, но проявляется через предпочтение русского как более «полезного» и «надежного» в образовательной перспективе, особенно в Карелии и частично в Калмыкии.

5. Этноязыковой пуризм (вопросы 3, 4, 5)

Калмыкия (52,6 %) и Чечня (45,7 %) демонстрируют высокие показатели желания родителей, чтобы дети говорили только на родном языке. При этом отмечается значительная поддержка обязательного изучения родного языка (табл. 1) и выраженное доверие к семье как институту его сохранения (рис. 4), что отражает представление о родном языке как о самодостаточном коде идентичности. Этноязыковой пуризм наиболее выражен среди калмыцких и чеченских респондентов: родной язык воспринимается как неотъемлемая часть идентичности и культурной принадлежности.

6. Русский как культурный код (вопросы 1, 2, 6)

Высокий уровень одобрения учебного курса «Родной язык» (рис. 5) не противоречит признанию русского как языка культуры и науки. Преобладание русско-национального билингвизма, особенно в образовательной сфере (рис. 1, 3), говорит о встроенности русского в картину мира респондентов как символа более широкой гражданской идентичности. В Карелии

и Якутии особенно явно прослеживается идея, что русский язык — связующее звено с российским обществом, а родной — маркер локальной общности. Русский воспринимается как культурно-гражданский ресурс, но не как альтернатива родному языку, с наиболее характерными показателями по данным в Якутии, Карелии и Тыве.

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрение языковых идеологий в образовательной сфере на материале пяти республик Российской Федерации позволило выявить определенный спектр представлений о функциях языка в процессах социализации, обучения и этнокультурной идентификации. Полученные данные свидетельствуют о неоднородности родительских ожиданий, формирующихся на стыке официальной языковой политики, локальной культурной среды и индивидуальных стратегий.

Русский язык практически повсеместно воспринимается как необходимый и функционально доминирующий элемент образовательного пространства, однако его признание не сопровождается девальвацией роли родного языка. Напротив, в ряде регионов наблюдается устойчивая тенденция к институциональному билингвизму. Вместе с тем выявленная вариативность установок указывает на наличие латентных идеологических несоответствий, что проявляется в различиях между республиками с высокой степенью этнолингвистической консолидации и регионами, подверженными процессам языковой ассимиляции.

Важным контекстом для интерпретации этих идеологических установок являются количественные изменения в сфере преподавания родных языков. Статистические данные Министерства образования отражают институциональные сдвиги, произошедшие за последние пять лет в статусе родных языков. В большинстве рассмотренных регионов наблюдается сокращение использования родного языка в качестве языка преподавания, особенно у калмыцкого и тувинского языков, указывающее на снижение их функциональной роли в образовательном процессе. Исключение составляет Республика Саха (Якутия), где якутский язык демонстрирует устойчивость и рост в качестве языка преподавания (увеличение на 34,8 %) и в качестве изучаемого предмета (рост на 46,3 %). При этом анализ динамики преподавания родных языков как предмета указывает на общий рост числа учащихся, особенно в Чеченской Республике (прирост более 35 %) и Республике Тыва (рост в два раза), вероятно, вследствие снижения образовательной функции у коренного языка. Можно сделать вывод, что в образовательной политике прослеживается тенденция к латентному языковому униформизму, при котором

этнические языки будут сохраняться преимущественно как элементы культурного наследия.

Родительские языковые установки, как показал анализ, могут выступать значимым диагностическим потенциалом в оценке эффективности реализуемой образовательной языковой политики, так как они отражают первичные идеологические ориентации, определяющие межпоколенческую передачу языка и выбор образовательных траекторий.

Исследование подтвердило, что языковые идеологии не существуют в отрыве от образовательных и институциональных практик — они напрямую соотносятся с реальными показателями преподавания родных языков и отражают текущие тенденции языковой политики. Сочетание анализа родительских установок и статистических данных позволяет комплексно зафиксировать состояние языковой среды: от функционального сокращения роли родного языка в ряде регионов до формирования устойчивых моделей билингвизма, как в Республике Саха (Якутия). Такой интегрированный подход выявляет не только региональные различия, но и потенциальные векторы корректировки образовательной политики с учетом социокультурной специфики, что особенно важно для сохранения этноязыковых ресурсов современной России.

<p>Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.</p> <p>Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.</p>	<p>Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.</p> <p>The authors declare no conflicts of interests.</p>
--	--

Источники и принятые сокращения

1. Анкетирование — *Социолнгвистический* опрос, посвященный изучению языковой ситуации, проведенный сотрудниками НИЦ НЯО Института языкознания РАН в 2022—2023 годах.
2. МПРФ — *Открытые данные* Министерства просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (дата обращения 07.08.2025).
3. *Swann J. A Dictionary of Sociolinguistics* / J. Swann [et al.]. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012. — 368 p. — ISBN 0-7486-1690-X.

Литература

1. *Баранова В. В.* Языковая ситуация в Калмыкии : социолнгвистический очерк / В. В. Баранова // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. — 2009. — № 2. — С. 22—41.
2. *Биткеева А. Н.* Развитие социальных функций современного калмыцкого языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / А. Н. Биткеева. — Москва, 2002. — 211 с.

3. Биткеева А. Н. Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022—2023 годов) / А. Н. Биткеева, М. А. Горячева, С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 29—55. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55.
4. Боргояков С. А. Состояние и перспективы родных языков в Российской системе образования / С. А. Боргояков // Наука и школа. — 2017. — № 6. — С. 20—30.
5. Иванова Н. И. Социолингвистическая обусловленность функционирования якутского языка в сфере школьного образования : истоки начинающегося кризиса / Н. И. Иванова, В. Н. Никитина, А. Г. Филиппова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 65—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-65-84.
6. Иванова Н. И. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) : якутский язык в начале XXI в. (этносоциопсихолингвистический аспект) / Н. И. Иванова. — Новосибирск : Наука, 2022. — 284 с. — ISBN 978-5-02-041499-0.
7. Михальченко В. Ю. Язык и идеология в полиэтничном государстве / В. Ю. Михальченко // Социолингвистика. — 2025. — № 3. — С. 12—24. — DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24.
8. Нагурная С. В. Перспективы развития языковой ситуации в Республике Карелия (по материалам конкретного исследования карельского населения) [Электронный ресурс] / С. В. Нагурная // Малые языки в большой лингвистике : тезисы конференции. — 2021. — Режим доступа : <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/science/conferences/fieldworks2021/accepted> (дата обращения 21.07.2025).
9. Петербургский М. Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования / М. Ю. Петербургский // Сравнительное конституционное обозрение. — 2019. — № 1 (128). — С. 79—91. — DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91.
10. Хилханова Э. В. Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения / Э. В. Хилханова // Социолингвистика. — 2022. — № 4 (12). — С. 90—107. — DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107.
11. Цыбенкова Ч. С. Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч. С. Цыбенкова // Oriental Studies. — 2019. — № 3. — С. 460—477. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477.
12. Irvine J. T. Language ideology and linguistic differentiation / J. T. Irvine, S. Gal // Regimes of Language : Ideologies, Politics, and Identities / ed. by P. V. Kroskrity. — Santa Fe, NM : School of American Research Press, 2000. — Pp. 35—84.
13. Moshnikov I. The use of the Karelian language online : current trends and challenges / I. Moshnikov // Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. — 2022. — Vol. 13. — № 2. — Pp. 275—305. — DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.09.
14. Schieffelin B. B. Language socialization / B. B. Schieffelin, E. Ochs // Annual Review of Anthropology. — 1986. — Vol. 15. — Pp. 163—191.
15. Silverstein M. Language structure and linguistic ideology / M. Silverstein // The Elements : A Par session on Linguistic Units and Levels / ed. by P. R. Clyne, W. F. Hanks, C. L. Hofbauer. — Chicago : Chicago Linguistic Society, 1979. — Pp. 193—247.

*Статья поступила в редакцию 11.08.2025,
одобрена после рецензирования 19.11.2025,
подготовлена к публикации 19.12.2025.*

Material resources

- MPRF — *Open data of the Ministry of Education of the Russian Federation*. Available at: <https://docs.edu.gov.ru/#activity=8> (accessed 07.08.2025). (In Russ.).
- Questionnaire — *Is a sociolinguistic survey devoted to the study of the linguistic situation conducted by the staff of the National Research Research Center of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences in 2022—2023*. (In Russ.).
- Swann, J. (2012). *A Dictionary of Sociolinguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 368 p. ISBN 0-7486-1690-X.

References

- Baranova, V. V. (2009). The linguistic situation in Kalmykia: a sociolinguistic essay. *Acta Linguistica Metropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2: 22—41. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N. (2002). *The development of social functions of the modern Kalmyk language*. PhD Diss. Moscow. 211 p. (In Russ.).
- Bitkeeva, A. N., Goryacheva, M. A., Kirilenko, S. V. (2024). Functional Distribution of Chechen Language in Chechen Republic: Findings from Field Research (2022—2023). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 29—55. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55>. (In Russ.).
- Borgoyakov, S. A. (2017). The state and prospects of native languages in the Russian education system. *Science and School*, 6: 20—30. (In Russ.).
- Irvine, J. T., Gal, S. (2000). Language ideology and linguistic differentiation. In: *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Santa Fe, NM: School of American Research Press. 35—84.
- Ivanova, N. (2022). *The linguistic situation in the Republic of Sakha (Yakutia): the Yakut language at the beginning of the 21st century (ethnopsycholinguistic aspect)*. Novosibirsk: Nauka Publ. 284 p. ISBN 978-5-02-041499-0. (In Russ.).
- Ivanova, N. I., Nikitina, V. N., Filippova, A. G. (2021). Sociolinguistic Conditionality of Yakut Language Functioning in Field of School Education: Origins of Incipient Crisis. *Nauchnyi dialog*, 10: 65—84. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-65-84>. (In Russ.).
- Khilkhanova, E. V. (2022). Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 In the mirror of public opinion. *Sociolinguistics*, 4 (12): 90—107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107. (In Russ.).
- Mikhilchenko, V. Y. (2025). Language and ideology in a multiethnic state. *Sociolinguistics*, 3: 12—24. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-12-24. (In Russ.).
- Moshnikov, I. (2022). The use of the Karelian language online: current trends and challenges. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, 13 (2): 275—305. DOI: 10.12697/jeful.2022.13.2.09.
- Nagurnaya, S. V. (2021). Prospects for the development of the linguistic situation in the Republic of Karelia (based on a specific study of the Karelian population). *Small languages in big linguistics: conference abstracts*. Available at: <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/science/conferences/fieldworks2021/accepted> (accessed 21.07.2025). (In Russ.).
- Peterburgskij, M. Yu. (2019). Linguistic rights of national minorities in the Russian education system. *Comparative Constitutional Review*, 1 (128): 79—91. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91. (In Russ.).

- Schieffelin, B. B., Ochs, E. (1986). Language socialization. *Annual Review of Anthropology*, 15: 163—191.
- Silverstein, M. (1979). Language structure and linguistic ideology. In: *The Elements: A Par session on Linguistic Units and Levels*. Chicago: Chicago Linguistic Society. 193—247.
- Tsybenova, C. S. (2019). Social characteristics of the linguistic situation in the Republic of Tyva. *Oriental Studies*, 3: 460—477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477. (In Russ.).

*The article was submitted 11.08.2025;
approved after reviewing 19.11.2025;
accepted for publication 19.12.2025.*